



*Nos deux cœurs, l'humeur vagabonde,
D'espace pourront se griser
Et le vent, à travers le monde,
Eparpillera nos baisers.**



* (франц.) Два наших сердца, непостоянных,
Отражающих изменчивость пространства, смогут захмелеть.
А ветер разнесет по всему миру
Наши поцелуи.



(東京名所) 東京国際空港



The Tokyo international air Port





Любовь к себе моим владеет
взором. / Она проникла в кровь
мою и плоть. / И есть ли сред-
ство на земле, которым / Я эту
слабость мог бы побороть? /
Мне кажется, нет равных кра-
сотою, / Правдивей нет на све-
те никого. / Мне кажется, так
дорого я стою, / Как ни одно
земное существо. / Когда же
невзначай в зеркальной гла-
ди / Я вижу настоящий образ
свой / В морщинах лет, — на
этот образ глядя, / Я сознаюсь
в ошибке роковой. / Себя, мой
друг, я подменял тобою, / Век
уходящий — юною судьбою!

Сонет 62 Уильяма Шекспира дан в переводе Самуила Маршака.
Спасибо Касии, Перу Инге, Гейру и Томасу. Без вашей моральной и не толь-
ко поддержки работа над этой книгой заняла бы вдвое меньше времени.

БУМАЖНЫЕ ЛЕТЧИКИ

Турбьёрн Оппедал
+ Свейн Стёрксен



КОНТАКТ



1. Держись за это короткое слово: я. Держись крепче, потому что в следующую секунду оно обретет имя и дату смерти.

2. Почти половина первого. Я пишу эти строки в вагоне поезда. Остальные пассажиры спят, лишь над дверью купе слабо светится ночник. За окном — неясные очертания гор проносятся мимо на фоне звездного неба. Я могу находиться в любой точке мира. На Луне. В пути. Как обычно. Идут пятые сутки.

Критический момент.

Не знаю, знакомо ли тебе это ощущение, но на каком-то этапе путешествия оборачивается против тебя. Мечты прокисли. Тебе начинает казаться, что ты потерпел неудачу. Ты устал. В душе поселилось смутное чувство вины. Что ты забыл здесь, так далеко от дома? Зачем это все? Чего ты хотел добиться, говоришь ты себе, словно безработный, который, пережив череду разочарований и отказов, начинает уже подозревать, что проблема заключается в нем самом. Лица спящих попутчиков принадлежат тьме. Ты остался один на один со своими страхами и изъянами.

Прошу прощения. Не хотел докучать своими навязчивыми мыслями. Для нас все равно уже слишком поздно.

Впрочем, мы сами выбрали такую жизнь. Ты, как и я, мечтаешь об Идеальном Путешествии. Путешествии, которое переплавит тебя. Сделает другим человеком.

Ты хочешь ощутить воздух дальних стран, в котором твое тело принимает новую форму, как металл в плавильной печи.

Я знаю, что надо торопиться. С каждым годом мои черты все сильнее затвердевают, во мне остается все меньше места для воспоминаний. Письмена на моем теле застывают в камень, а затем истираются.

Но тебе я об этом не пишу.

Ты стремишься к открытости: принимать жизнь, дарить жизнь. Я же хочу закрыться, определить границы и жить рядом с ними.

Отыскать смысл, если угодно.

Я знаю: где-то он есть.

По ту сторону окна мужчина склонился над открыткой. Он пишет, он рассказывает нам то, что мы хотим услышать. У него нет права отказаться.

3. *Словарь путешественника: неудача. Состояние, когда не получилось угодить вкусам незнакомцев.*

4. Определить границы и жить рядом с ними. Эти слова крутятся в голове, пока я медленно пробуждаюсь к жизни. В теле крепко засел холод: одеяла в гостиницах всегда либо коротковаты, либо тонковаты. Наверняка по этому поводу высказывался какой-нибудь немецкий философ. Указательный палец левой руки находит в пододеяльнике дырку. Нечего делать, не о чем переживать. Все со временем проходит. Снашивается.

В первые секунды после пробуждения комната как будто плывет, пока не примет окончательную форму. Оркестр цветов, звуков, запахов настраивает свои инструменты, нащупывает единый ритм и мелодию, определяется с жанром: то ли играть симфонию, то ли концертто грессо. В снежной круговерти начинают проступать отдельные предметы: рулонные шторы с подпалинами от сигарет, стакан воды на прикроватной тумбочке. Я ощущаю, как за опущенными веками рассасываются остатки снов.

Сегодня сильный снегопад — я вижу это, приподнявшись на локте. За окном — отсветы фар, морозный воздух, молочно-белый свет занимающегося утра. Если не ошибаюсь, я просыпаюсь в этой комнате уже третий раз. Я знаю, каково сидеть в этом кресле, с каким звуком льется вода из крана. У меня появилась общая история с этой комнатой. На короткий миг я могу представить себе, что так все и останется навсегда, что сегодня я не уеду. Но впереди меня ждут новые комнаты, перестук колес, кильватерные струи. Подпалины на шторах. Огонь, который жжет изнутри. Так обычно говорила М. Когда-то у нее было имя — Мария, Маргарет, Марианна, — такое же истертое, как любое другое, а теперь от нее осталась одна только буква — М.

Не думайте обо мне плохо — в моем издырявленном уме иначе и быть не может. Я не знаю, как так вышло — то ли не те лекарства, то ли пересидел на сквозняке. Моя память похожа на прилежно рассортированный архив, в который неожиданно ворвался смерч. Разрозненные листки сохранились, но системы в них никакой.

Этот огонь, говорила М, похож на свечку для торта: напрягшись всем телом, ты ждешь праздника, и вот он наконец начинается, пора зажечь свечку — но тебя вдруг охватывает страшное нежелание прикасаться к фитилю. Как будто таким образом ты можешь спрятать день

рождения в карман, приберечь этот год до лучших времен. Тогда-то он будет потрачен как надо. Минутку, я жду вдохновения. А тем временем пальцы, в которых ты держишь спичку, усыхают и скрючиваются.

Поразительно, каким тяжелым становится тело от осознания того, что предстоит. Перед самым отъездом все вещи вдруг начинают казаться старыми друзьями. Обеденный стол с царапинами на столешнице, морщинистый диван, килим со следом от давно выброшенного торшера. Ну нет, думаешь ты, я вас не брошу. Вот и я лежу в этой чужой мне комнате с тем же чувством, и в этот миг я могу восстановить в памяти свое жилище в подвале — катакомбу, как мы ее называли — вплоть до мельчайших деталей: мысленный конструкт, как по команде воздвигающийся за опущенными веками без столяров и инструментов.

Мир разочаровал меня. И я создал свой собственный.

С потолка слышатся какие-то звуки. Стук — кто-то забивает гвоздь или выправляет ножку стула. В катакомбе я обычно лежал и слушал, как хозяйка наверху шаркает по полу войлочными тапками — они шуршали над моей головой, как прибой, с регулярностью приливов и отливов. Она была вдова, но каждый день с семи до половины восьмого включала радио — как в те времена, когда готовила завтрак мужу. Я подозревал, что она и накрывает по-прежнему на двоих. Пятничными вечерами она напивалась и начинала отвешивать себе пощечины. Привычка — вторая натура.

Именно привычка заставляет меня встать, когда в лежании уже не остается никакого смысла. Я поднимаюсь — и этим движением начинаю новое путешествие. Комната продолжает обретать форму, контуры предметов встают на свои места. Косой потолок, который я задеваю головой. Снимок спящей кошки на стене. Мой рюкзак, прислоненный к письменному столу. Через несколько часов все это будет неважно. Снег заметает окна, за ним не видно города.

Я застилаю постель покрывалом, выбрасываю в мусорку использованный билет. Навожу порядок — это недолго. Нужно оставлять места такими же, какими вы их нашли. Так учила мама. На письменном столе лежат четыре открытки, стянутые толстой бечевкой. Даже не резинкой — но ведь я никогда не шел в ногу со временем. Пачка совсем легкая, свободные концы бечевки болтаются. Переплетение мыслей и воспоминаний. На верхней открытке, *не в ногу*, еще можно разобрать адрес, если включить небольшую лампу на столе, *не в ногу со временем*. Вечная дилемма открыток: лицевая сторона или обратная.

Я ПУТЕШЕСТВОВАЛ, ЧТОБЫ НАЙТИ СЕБЯ.

Текст должен быть не настолько пространным, чтобы писать письмо на листе без картинок; и не настолько личным, чтобы дать почтовой работнице почту для сплетен. Открытка — это ни-ни. Она всегда немного неполноценна.

Стук наверху затих. Я поворачиваюсь к прикроватной тумбочке. В сумерках мерцает экран мобильного телефона. Новое сообщение — как сигнал эхолота, направленный из тех краев, откуда я приехал. Я выключаю телефон и вынимаю аккумулятор, а затем кладу его в ящик письменного стола. Слишком много багажа. Я перебираю рюкзак в поисках того, что еще можно оставить. Носки, рубашки, штаны, белье — я раскладываю их на кровати. Подвеска с пентаграммой. Брат и сестра, думаю я. Наматываю цепочку на пальцы, как будто пытаюсь вызвать дьявола. Его брата. Или еще кого-то, кто скрывается в тени. *Голоса голоса глаза и рты.*

Мир вокруг почти устаканился. Я вспоминаю, как вчера вернулся в эту дешевую гостиницу, поднялся по лестнице — и позавчера, и позавчера. Вспоминаю вощеные перила, толстые красные ковры. Укладывая в рюкзак свитер, я ощущаю покалывание шерсти на шее: надевать его — все равно что танцевать с белым медведем, сказал кто-то. Действительность проступает пятнами, и через некоторые из них что-то просачивается случайными каплями. Даты и факты могут реконструировать ход событий, но не сохранить его. Если год за годом, не отрываясь, смотреть на часы, можно с точностью до минуты посчитать путь, пройденный стрелками. Но если вам скажут, как долго вы просидели, глядя на часы, вы все равно поразитесь. Лишь путешествия облакают время в узнаваемый наряд. Осло — Париж — два часа на самолете. От остановки до остановки — четыре километра рельсов. Пересечь пешком пустую парковку — триста метров, равные пяти минутам и тринадцати секундам ходьбы. Неужели в этом весь секрет, подумал я однажды, неужели именно так становятся человеком?

Перевязанная бечевкой стопка открыток все еще лежит на столе за моей спиной. Когда-то я мечтал написать открытку, которая будет лицевой и обратной стороной одновременно. Всего один маленький шаг для человека — но огромный скачок для письменности. Это была бы моя первая открытка. Первая, в которой мосты и побережья не испорчены тем, что я о них написал. Но какая теперь разница. Быть может, мои неудачные попытки представляют боль-

ший интерес. Быть может, все вместе они и есть та самая открытка мечты. Куртка висит на вешалке в углу — я запикиваю сверток во внутренний карман. Симфония, или концертто грассо, или фононая мелодия: поживем — увидим.

5. В чем секрет? Что в тебе такого, что она выбрала тебя, а не меня?

6. Здесь я родился.

Здесь работал мой отец, когда познакомился с мамой.

Мама мечтала о такой семье.

Сюда они поехали в свадебное путешествие.

Каждый год в день ее рождения отец заказывал здесь столик.

Даже после того, как она уехала.

7. Кресло обито бордовой тканью, подлокотники и сиденье лоснятся от старости. Справа на ткани остались подпалины и серые следы пепла — отец долгие часы проводил в этом кресле, читая книги и куря сигареты одну за другой. Кресло и теперь громоздится в углу, безмолвное, как статуя.

Мой отец был коллекционером. В юности он ходил в море, а вскоре после возвращения начал собирать модели кораблей. Лестница в доме, где я вырос, — на полке стояла точная копия фрегата «Фрейя», воссозданного по чертежам из военно-морского музея в Хортене. Он говорил, что таким образом поддерживает контакт с Большим Миром теперь, когда его жизнь ограничена домом и долгами. Позднее он собрал внушительную библиотеку из книг по языкознанию и этнологии, я помню, как долго он изучал письменность майя. Я никогда не позволял школьной системе определять мое образование, говорил отец. И всегда хмыкал, когда его спрашивали, не помышляет ли он об академической карьере. Превратить учебу в работу — значит испортить все удовольствие, отвечал он. Задачи нужно выбирать по принципу вдохновения. Не польза движет миром. Мама при этом качала головой, но она давно уже оставила попытки с ним спорить.

НО МЕНЯ ТАМ НЕ ОКАЗАЛОСЬ.